

Ленинград, М., 1962.

ЛЕКСИКА ЗВУЧАНИЯ В "СЛАВЯНСКОМ ЦИКЛЕ" А. ГОРОДНИЦКОГО

Купчик Е. В., Тюмень

Стихотворения Александра Городничского, одного из основоположников авторской песни, разнообразны по своей тематике. Среди них особое место занимает стихотворения, в которых находят свое отражение разные периоды истории славянских народов, России, судьбы русских поэтов и которые можно условно объединить в "славянский цикл". В анализируемых произведениях [1] нами отмечено 2 случая употребления "звуковых" слов, классификацию которых можно вести по двум основаниям: источник звука и характер звука.

Источником звука в стихотворениях А. Городничского в большинстве случаев являются неодушевленные предметы (43 реализации) - как специально предназначенные для звукоизвлечения (23), так и не имеющие данной функции (20). В данной группе на первом месте по частоте употребления и смысловой нагрузке идет лексика звучания колоколов. Лишь в одном случае колокольный звон связан исключительно с временным планом - возвещает начало богослужения ("Пушкин и Матвей Муравьев"). Звук колокола у А. Городничского важен как известие о значительном событии, обычно драматическом: "Прислушайся, и загудит над домом Глухой набат мужнических мятелей" ("Восемнадцатый век"). В "Плече Марфа-посадницы" колокольным звоном сопровождается вся сцена прощания Марфы с Новгородом - каждое восьмистишие заканчивается строками: "Со всех четырех колоколен Пливут похоронные звоны".

Звучание музыкальных инструментов, как и звон колоколов, связано в стихах А. Городничского с тревожным событием. Так, барабанный бой выступает либо как военный сигнал ("Александр Рязевский"), либо как атрибут гражданской войны: "Сирые рудники нам спины не согнули И барабанный бой над нашей судьбой" ("Пушкин и Матвей Муравьев").

Звук музыкального инструмента оказывается и знаком постороннего вторжения в привычный мир. В стихотворении "Блок" го-

лос гармошки, что "пиликает пьяно" в соседнем подъезде, - один из симптомов разрушения привычного бытия наряду с выстрелами и сожжением книг.

Контрастировать друг с другом могут и звуки двух инструментов. В "Петре III" противопоставлены звучание скрипки и "пенье труб": "В голос скрипки, тревожный и зыбкий, Посторонний вылетает звук". Под звук трубы приближается к дворцу па-валерия - "приближается пьеса к концу": эти слова относятся как к игре на скрипке, так и к самой жизни императора.

Звук боя часов упоминается в двух стихотворениях с одинаковыми названиями "Петр III". В обоих случаях этот звук символизирует привычный быт: "Пол паркетный в покоях не скрипчет, Бой часов раздастся не вдруг": "Он пробуждался, страхами измучен, И слушал, как часы негромко били". Но вместе с тем это и знак неминуемо уходящего времени: гибель Петра все ближе.

Среди звуков, издаваемых предметами, не предназначенными для звукоизвлечения, следует отметить "голоса" природы, а также звуки, возникающие в результате движения предмета или работы механизма. Нами не отмечено случаев употребления звукообозначений в чисто описательных целях (за исключением, может быть, упоминания о шорохе волн в "Петре III"). Звуки природы используются в традиционном плане, иллюстрируя состояние человека. Так, вой метели оказывается связанным не просто с временем года, но и с конкретной ситуацией в жизни героев, вызывающей у них несветлые мысли. В "Александре Раевском" это размышление о возможном предательстве: "И под вечный вой метели Ссылный Пушкин думал: - Зависть? Ах, Раевский, неужели? Мне, наверно, показалось". В "Петровском Заводе" это реакция ссыльных декабристов на весть о смерти Пушкина.

Шум листьев у А.Городничского - знак вечности жизни. Им сопровождаются неторопливые раздумья героя о вечных вопросах бытия ("На Немане").

Звуки, издаваемые движущимися предметами, в стихотворениях А.Городничского выступают в качестве примет времени. Звуками "маркирован" прошлый век: "Далекий век, где синий воздух чист, Где стук копыт и дребезжанье дрожек..." ("Минувший век"); "Мы вряд ли бы вернуться захотели К лучине и скрипению телег" (там же). Как приметы прошлого неоднократно упоминается

звон кандалов и гром пушек. Чаще всего это связано с конкретной ситуацией, например: "Три каторжника сели у огня, чугунными браслетами звеня ("Петровский Завод"); "Не вчера ли, в чулках и при шпаге, Торопился он в Зимний к присяге, Слыша пушек медлительный гром?" ("Горчаков"). В отдельных же случаях подобное звукообозначение описывает более общую ситуацию: "Что нам поэты, Что их дар господень, Когда заходит дело о свободе И пушечный не умолкает гул?" ("Петровский Завод"). Через звукообозначения этого плана передается и разрушение привычного уклада: "Не слышно за окнами звонкого шума трамваев - Лишь выстрелов дальних упругие катятся волны" ("Блок").

Отметим, что источниками звуков в стихотворениях А.Городницкого почти всегда оказываются конкретные предметы - за исключением двух случаев: "Мелодия его (века - Е.К.) не отзвучала ("Минувший век") и "Иных столетий войны Шумят над головой" ("Вяземский"). В данных случаях "звуковое" значение глаголов представляется достаточно абстрактным, слова получают метафорическое значение.

Голоса животных и птиц образуют самую малочисленную группу звукообозначений (5 случаев): это храп лошадей (3) и крики ворон (2). Звуки, издаваемые лошадьми, не несут существенной смысловой нагрузки, в то время как крики ворон традиционно связаны с предсказанием несчастья ("Плач Марфы-посадницы") или смертью ("А чем была она, Россия...").

Группа звуков, связанных с человеком, насчитывает 24 словоупотребления. Здесь можно выделить слово "голос" - как в прямом значении ("Ни голоса, ни дыма, ни саней, Ни звездочки, ни ангельского лика" - "Петровский Завод"), так и в переносном: "Новиков - в согласном хоре Глас, звучащий без хвалы" ("Новиков"). Данное слово употребляется поэтом только по отношению к человеку (за исключением сочетания "голос скрипки" в "Петре III").

Сравнительно часто используются А.Городницким слова "петь" и "песня", обычно в сочетании друг с другом. Известно, что использование данных лексем может быть обусловлено тяготением поэта к "особому мелодизму, камерности поэзии" [2, с.19]. Но в анализируемых стихотворениях А.Городницкого им предназначена иная роль. В песне сохраняется память о важных для народа

событиях: "Его казнят, и захлебнется медь, Но будут век по деревням мужнины Младенцам песни дедовские петь" ("Самозванец"). В песне выражается менталитет народа, состояние его души ("Песни западных славян"). Возможность петь связана с понятием свободы: "Певец в темнице песен петь не может" ("Петровский Завод"). Песня как показатель уровня культуры поющего может получить и обобщенное значение орудия разрушения. В стихотворении "Блок" таковой оказывается пьяная песня, которую слышит Блок, пишущий поэму "Двенадцать": "И ломаются в строчки похабной частушки припевки, как пьяный матрос, разбивающий двери гостиной".

Остальные звуковые слова данной группы представляют собой обозначения беспокойных, тревожных звуков, выражающих отрицательные эмоции. Это прежде всего слова с корнем "крик-", употребляющиеся по отношению к часовым ("Горчаков", "Петровский Завод") и священнику, предающему анафеме самозванца: "Что проку пеплом пушку заряжать, Кричать с амбона, чужа смертный запах?" ("Самозванец"). С помощью звукообозначений данной группы выражается народное недовольство, возмущение: "Что шумите вы в железе и гнев?" ("Соловьи"); "Е них голодный слышен ропот" ("Песни западных славян"); "С пальбой и визгом конница несется, И красные танцуют петухи" ("Восемнадцатый век").

С точки зрения характера можно выделить музыкальные звуки (тоны) и шумы. Количественный состав лексем обеих групп примерно одинаков. Вместе с тем шумы в содержательном плане оказываются более значимыми по сравнению с музыкальными звуками, неся большую смысловую нагрузку, передавая негармоничность, немusicalность мира. Почти во всех случаях слова данной группы употреблены в прямом значении: стук - "шум от удара, от падения твердого предмета" [3] (стук копит), скрип - "резкий звук, возникающий при трении" (скрип телег) и т.п. Слова, обозначающие музыкальные звуки, употребляются в ином значении. Так, слово "петь" - "издавать голосом музыкальные звуки, исполнять локальное произведение" - обычно используется А.Городничским применительно к неодушевленному предмету, например, вьюте. Иразу "Певец в темнице песен петь не может" в контексте стихотворения "Петровский Завод" следует читать как "Поэт не способен писать стихи в неволе" - здесь традиционное для поэ-

зии XIX века отождествление поэта с певцом [4]. Песня может выступать не как собственно музыкальное произведение, а как предание, рассказ о прошлом, в котором важна не звуковая, а прежде всего содержательная сторона ("Самозванец"). Немузыкальными, негармоничными оказываются и звуки колокола, и голоса птиц, которые не поют, а кричат ("Плач Марфы-посадницы"). Музыкальный звук порой оказывается неуместным, как, например, голос скрипки в условиях, не располагающих к развлечениям ("Петр III"). Музыка в дисгармоничном мире обречена, а порой и сама служит созданию дисгармонии ("Елок").

У А.Городницкого встречаются обозначения звуков разной интенсивности и окраски. Громкие, резкие, нередко агрессивные звуки: набат, барабанный бой, гром пушек, вой метели, крик и под. - играют важную роль в создании звуковой картины мира, представленного поэтом в "славянском цикле"; с их помощью выражается восприятие автором характера минувшей эпохи, богатой драматическими событиями. Тревога, беспокойство могут быть выражены и негромкими звуками. В стихотворении "Самозванец" глагол "шептаться" имеет значение не просто тихой, но тайной, скрываемой от чужих ушей речи: "...Чтоб о Петре неубиенном Третьем Шептались вновь до третьих петухов".

С общей тональностью исторических стихотворений А.Городницкого связано и наличие в них ряда лексем сниженного плана: храпеть, всхрапывать, трещать, вой и др.

В некоторых случаях звукообозначения сочетаются, причем звуки обычно неоднородны по своему характеру, но в конкретной ситуации дополняют друг друга. Так, в "Плаче Марфы-посадницы" звуки, издаваемые колоколами, лошадьми и воронами, участвуют в создании картины печального прощания героини со своим городом; крики часовых и цокот подков ("Горлаков") - в обрисовке тревожной ситуации в Петербурге после подавления восстания декабристов.

Выразительным в этом отношении является сочетание лексемы звучания и слова с семой "отсутствие звучания" в стихотворении "На Немане": "Пусть опять в ночи, неторопливы, Нарушают городские сны Вечное пришептывание ивы, Вечное молчание сосны". "Пришептывание" и "молчание" сближаются в своем значении, участвуя в создании картины покоя и мира, которым окончились

давние войны.

Следует отметить, что звук в произведениях А.Городницкого выступает чаще всего как постоянно сопутствующий описываемой ситуации. Лишь в единичных случаях речь идет о начале или прекращении звучания. Так, в "Самозванце" отмечены начальная и конечная фазы звучания колоколов - причем для этого использованы не слова, а предложения: "И за веревку дергает згонарь"; "Его казнят, и захлебнется медь". С этой точки зрения интересно предсказание Марфы-посадницы о судьбе Новгорода: "Рассыплется медный трой голос На тихие слезы Валдая". Речь идет не просто о прекращении звука новгородских колоколов и замене его звоном валдайских колокольчиков, но и об изменении значения и характера звучания (вечевой колокол и дорожный бубенец), а в конечном итоге - и об утрате Новгородом своей независимости.

Звук может сопровождать на всем протяжении и сравнительно непродолжительное событие, и весьма протяженную во времени ситуацию: так, ссылке Пушкина и декабристов сопутствует вой метели. Кроме того, звук может оказаться приметой века (стук копыт и дребезжанье дрожек в "Минувшем веке", треск пожаров в "Восемнадцатом веке"), целой исторической эпохи (ропот в "Песнях западных славян"), а иногда и вечности. В стихотворении "На Немане" "Вечное пришептывание ивы, Вечное молчание сосны, Голос хора в мерном гуле роши" - это приметы жизни, которая началась после окончания войн и должна продолжаться всегда.

Анализ звукообозначений в стихотворениях "славянского цикла" А.Городницкого позволяет сделать вывод о несомненной важности слов со значением звучания в раскрытии авторского восприятия реалий описываемой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Для анализа взято 14 стихотворений из сборников А.Городницкого "Берег" (М., 1984) и "Полночное солнце" (М., 1990).
2. Везерева М.Н. Экспрессия лексем звучания в идеостилиях Тютчева, Фета, Баратынского, Языкова, Полонского//Художественная речь: Общее и индивидуальное. Куйбышев, 1988.
3. Значения слов даны по Словарю русского языка С.И.Ожогова, М., 1973.
4. Ср. в ст. "Еневитинов": "Поэт не может жить в неволе,

А кто живет, тот не поэт".